

«УТВЕРЖДАЮ»

«02» сентября 2015 года

Ректор ФГБОУ ВПО «Пермский государственный
национальный исследовательский университет»
доктор физ.-мат. наук, доц. И.Ю. Макарихин

ОТЗЫВ

ведущей организации ФГБОУ ВПО «Пермский
государственный национальный исследовательский университет»
о диссертации ГАНЕНКОВОЙ Татьяны Сергеевны на тему
«Семантическая структура предлогов в современном македонском языке»,
представленной на соискание ученой степени кандидата
филологических наук по специальности 10.02.03 – славянские языки

Рецензируемая диссертационная работа Т.С. Ганенковой посвящена описанию семантики предлогов в современном македонском литературном языке. Автор, ссылаясь на когнитивный подход, заявленный в работе как основной, предпринимает попытку описания принципов развития структуры значения предлогов на материале македонского языка и выявления связи между сходными значениями/ компонентами значений различных предлогов в синхроническом аспекте. Обращаем внимание на тот факт, что изучение значений предлогов имеет давнюю традицию и отражено в большом количестве работ современных исследователей (см., например, обзор в коллективной монографии «Исследования по семантике предлогов» под ред. Д. Пайар и О.Н. Селиверстовой (2000) и диссертационных исследованиях последних лет на материале различных языков О.Г. Дудочкиной (1999), И.В. Бариновой (1999), В.И. Пекара (2000), О.Н. Кравченко (2010), Т.Н. Маляр (2001), И.С. Бороздиной (2003), И.В. Дубровиной (2004), Т.Н. Кулаковой (2004), И.В. Воропаевой (2005), Т.В. Гофман (2005), Т.М. Амеличевой (2010), А.Б. Чернышева (2010), Н.В. Шматовой (2011) и др.). Автор определяет в качестве цели исследования анализ семантической структуры македонских предлогов в литературном македонском языке.

Материалом для анализа послужили данные двух толковых словарей македонского литературного языка, вышедших в новейшее время: однотомного словаря Зо́зе Мурго́ского (2005 г.) и пяти томов шеститомного словаря, изданного Институтом македонского языка (2003 – 2014 гг.). При отборе корпуса единиц для анализа привлекались также данные авторитетных грамматик македонского языка и исследований, посвященных предлогу (см. с. 34). Первоначальный полученный список предлогов – 45 единиц – автор уточняет и сводит к 37. Для проверки словарных данных автор обращается к художественным (2 источника) и публицистическим

текстам (6 источников), а также к результатам поискового запроса к www.google.com. Таким образом, количество единиц анализа составляет 45, количество высказываний, в которых функционируют предлоги, – 828, что позволяет сделать вывод о низкой степени объективности анализа функционального потенциала изучаемых единиц в аспекте интерпретации и ставит под сомнение факт их низкой рекуррентности.

Анализ осуществляется, как следует из введения (с. 6) и ввводно-теоретической части диссертации (с. 12–33), на основе положений когнитивной лингвистики, однако между теоретико-методологической базой и представленными методами исследования отсутствует связь. Автор утверждает, что в ходе работы применялся «метод лингвистического описания, включающий наблюдение и систематизацию, обобщение языковых фактов», а также «метод компонентного анализа, позволяющий изучать семантическую структуру предлогов». Однако наблюдение и обобщение являются общенаучными (но не специальными лингвистическими) методами, а систематизация (процедура, результирующая обобщение) – цель исследования эмпирических фактов.

Следует также подчеркнуть, что компонентный анализ, который упоминается автором, входит в методический арсенал языкознания, но, во-первых, корнями он уходит в структурную лингвистику (не когнитивную), а во-вторых, если он и применялся, то без обязательного в таких исследованиях эксплицитного обозначения семантических элементов, так что метод анализа в данном случае следует определить как интроспекцию (распространенный и весьма эффективный метод, при условии, что изучаемый язык является родным для исследователя).

Автор, характеризуя методологию когнитивной лингвистики, отмечает, что «восстановление связей между значениями на синхронном уровне – это основной метод когнитивной семантики» (с. 200, 201). Однако в данном случае наблюдается противоречивость приведенного суждения, поскольку восстановление связей между пространственными, причинными, бенефактивными, посессивными и т.д. значениями предлогов (точнее, предложно-субстантивных сочетаний) есть процедура диахронического описания языка.

В работе заявлен также эксперимент: сконструированные автором контексты употребления предлогов предлагалось оценить носителям языка как правильные или неправильные. Однако эксперимент в самом тексте работы не описан, в приложении отсутствуют материалы, которые позволили бы оценить качество проведенного опроса. Выводы о частотности предлога или же о его стилистическом статусе не сопровождаются соответствующими статистическими данными и ссылками.

Теоретическая значимость и новизна работы, по мнению автора, заключается в уточнении реестра предлогов в македонском языке и определении их семантической структуры (с. 6, 7). Хотелось бы уточнить в связи с этим, какие именно слова попали в реестр македонских предлогов

благодаря проведенному исследованию. Вызывает сомнение утверждение, что связи между значениями предлогов в македонском языке ранее не анализировались. Мы не разделяем точку зрения автора относительно «схожих значений предлогов», так как остается неясным, что имеет в виду автор под понятием «схожий» и какие типологические критерии здесь используются. Предлоги обладают интегральными и дифференциальными признаками, которые и позволяют выделять их в самостоятельную часть речи. В работе отсутствует заявленная автором классификация двойных предлогов.

Положения, выносимые на защиту, вызывают возражения, так как 1) не являются актуальными; 2) не отражают сущности исследуемых языковых явлений; 3) не расширяют представление о семантическом, стилистическом и, в целом, функциональном потенциале предлогов македонского языка; 4) не демонстрируют результаты исследования в генерализованном виде. Если среди изучаемых слов македонского языка есть слова, которые никто прежде не относил к предлогам, то именно квалификацию этих слов как предлогов и надлежит выносить на защиту. Второе положение – «македонские предлоги обладают семантическими структурами» – делает избыточным третье – «значения внутри семантических структур ... связаны между собой» (с. 8).

В главе 1. «Подходы к изучению предлогов» (с. 12–33) автор пытается вписать свое исследование в русло актуальных лингвистических тенденций. Ряд вопросов, которые возникают в ходе ознакомления с содержанием главы, позволяют усомниться в оригинальности теоретической и практической значимости исследования.

1. Вызывают нарекания дефиниции основных понятий исследования. Определение предлога («Предлог – это служебная часть речи, выражающая синтаксические связи существительного в предложении», с. 12) автор дает, ссылаясь на статью Т.А. Репиной из Лингвистического энциклопедического словаря (издание 1998 г.), однако определение искажено, в Словаре оно звучит следующим образом: «разряд служебных, морфологически неизменяемых слов, выражающих различные отношения между зависимыми и главными членами словосочетания и осуществляющих подчинительную синтаксическую связь внутри словосочетания и предложения» (Репина 1998: 394). Страница, на которую ссылается автор, относится к статье «Лексическое значение».

2. Отсутствует классификация предлогов. Из текста работы не ясно, что автор понимает под «расширенным пониманием предлога» и какие предлоги в «узком значении» собираются исследовать. В список единиц, отобранных для анализа, входят не только первообразные предлоги, но и производные (например, *вдолж, крај, наместо, позади, ширум* и т.п.). Если же под узким значением понимать пространственную сему, то она присутствует далеко не во всех предлогах (см. *поради, според*), что в дальнейшем доказывает и сам автор в процессе анализа материала.

3. Многие положения первой главы в ходе дальнейшего анализа оказываются весьма мало востребованными. Например, отмечается, что «проективные пространственные предлоги (*над, зад, под* и т.д.) выполняют дейктическую функцию и способны обозначать пространственные отношения относительно участников коммуникативной ситуации. Эти же предлоги могут употребляться и недейктически, обозначая положение предметов безотносительно к участникам коммуникативной ситуации» (с. 13). С какой целью было проведено такое разграничение? Дейктическая и недейктическая функции с точки зрения реляционной семантики неразличимы. Иными словами, нет никаких различий между значением *над/под* в сочетаниях *надо мной, над столом, под тобой, под лавкой* и т.п.

Также вызывает возражение деление предлогов на «предикативные» и «формальные» (со ссылкой на Р. Ницолову, которая полагает, что «предикативные предлоги связывают структурно необязательные части предложения с предикатами [*къща в планината – къщта, която се намира в планината* «дом на горе – дом, который находится на горе»], тогда как «формальные предлоги... связывают аргументы с предикатом и являются синтаксически обязательными» – с. 16). В основной части диссертации эта идея не получила развития. С точки зрения реляционной семантики не существенно, является предлог компонентом сирконстанта или актанта (валентности предиката); ср. *Иван сидит на крыльце* [актант] *по воскресеньям* [сирконстант] – *Иван продает на крыльце* [сирконстант] *сигареты*. В примере Р. Ницоловой *Дом на горе* (*Дом был на горе*) предложная группа является обязательным аргументом предиката 'находится', однако в анализируемых примерах предикаты отсутствуют, это не предикативные конструкции, а словосочетания (если *Дом на горе* – предложение, то это выражение не может быть синонимично словосочетанию *дом, который находится на горе*; ср.: *Дом, который находится на горе, является памятником архитектуры*).

4. Представляется не актуальным рассмотрение характера значений предлогов (лексическое или грамматическое). Противопоставление этих типов значения релевантно в случае со знаменательными частями речи, но не для союзов или предлогов. Их значение типологически едино. При этом подход к семантике предлога во многом заимствован из диссертационного исследования В.И. Пекара (Уфа, 2000, с. 11–16). Автор ссылается на эту работу, между тем, при достаточно обширном цитировании, нарушается логика изложения, что приводит к некорректным стилистическим и смысловым высказываниям. Если же противопоставление лексического и грамматического в значении предлога автор считает основным, то необходимо обозначить хотя бы общие черты дискуссии о противопоставлении лексического и грамматического значений. Цитирования М.И. Стеблина-Каменского по работе В.И. Пекара явно недостаточно.

5. По мнению автора работы, «отдельную проблему представляет собой вопрос о том, куда относить информацию об участниках ситуации, выражаемой при помощи предлога: к существительному, глаголу или же самому предлогу. Все три решения имеют право на существование. В настоящем исследовании мы выбираем последнее, поскольку в этом случае описание семантики предлога является наиболее полным» (с. 16, 17). Это квазипроблема, на наш взгляд, так как предлог вне связи с существительным (с падежной формой, если флексия не редуцирована) чаще всего имеет лишь множество потенциальных значений (в рус. яз. *по* + вин. п. мн. ч. = дистрибутивное временное / дистрибутивное пространственное: *по воскресеньям* / *по карманам*). Информацию об участниках ситуации передают предложно-субстантивные словоформы в соединении (в сопряжении) с предикатом. Предлог семантически довлеет себе лишь в случае его однозначности (русск. *вместо, благодаря, безотносительно к* и др.).

Автор рецензируемой работы солидаризируется с мнением С. Саздова, который «стремится описать значение предлога независимо от значений глагола и существительного... Например, основное значение предлога на автор описывает как "А на Б", где место "А – это место Б"» (с. 29). Но это иллюзия – думать, что в этом случае мы описываем только чистую семантику предлога, потому что значение предлога не может быть описано вне связи с существительным и глаголом-сказуемым. В локативном предложении – соответствующий предикат (в русском языке *быть* (= 'находиться'), *находиться, размещаться*), в характеризующих (событийных) предложениях – любой глагол определенных (разнообразных) семантических разрядов (*Иван пел, торговал, мечтал, бил в барабан на крыше*). Между прочим, в приведенной выше метаязыковой семантической формуле «А на Б» = «место А есть место Б» А, Б – существительные (с конкретно-предметным значением), а *есть место* – локативный предикат (*быть* = 'находиться').

6. Рассматривая подходы к изучению «семантической структуры предлогов», автор останавливается на трех вариантах. Первый подход представляет перечисление значений предлога («при этом авторы работ, где реализуется этот подход, не отрицают и даже наоборот пишут о том, что связь между значениями есть, однако по разным причинам не описывают эти связи»). При этом ссылок диссертант не делает, и по каким именно причинам эти анонимные авторы отказываются описывать связи, остается тайной. То же самое наблюдается и при описании второго подхода, рассматриваемого как противоположный («реализуется в инвариантных теориях, постулирующих, что у языковой единицы есть одно значение, трансформируемое в зависимости от контекстных условий»). В связи с этим хотелось бы уточнить, какие «инвариантные теории» имеет в виду Т.С. Ганенкова.

Заслуживающим внимания автор считает «промежуточный» подход, который вытекает из «когнитивной семантики». Как отмечено в диссертации, «промежуточный способ когнитивистов» заключается в том, что «вводится основное значение, которое объясняет большинство случаев употребления языковой единицы, но не покрывает всего разнообразия употребления языковой единицы. Считается, что от основного значения со временем образовались другие значения, давшие основу для возникновения следующих значений и т.д. Таким образом, по мнению когнитивистов, семантическая структура предлога представляет собой сеть значений, в центре которой находится основное значение, от которого отходят цепочки значений. Образование одного значения от другого происходит путем метафоры или метонимии... Описание и объяснение связей и типов переходов между значениями является одной из основных задач когнитивной семантики» (с. 18). Что автор понимает под *основным значением* (первообразное (этимологическое), самое частотное)? Для предлога *из-за* первичное значение вряд ли можно считать основным, поскольку в современном русском языке он чаще выражает не пространственное, а причинное значение.

7. Вызывает много вопросов и представление того, что автор называет «семантическими структурами» предлогов (с. 204–213), а также способ представления структуры, когда в одних случаях между смежными значениями предлога имеются стрелки, в других (в большинстве) нет никаких маркеров связи (отношения). Главное возражение состоит в том, что в синхронии языка описываемые значения не образуют «когнитивно-нормальных» структур. Например, предлог *за* в русском языке имеет пространственные, временные, причинное (в сочетании с твор. пад. девербатов типа *неимение, отсутствие*) или делиберативное (в южнорусском наречии – *Я вам не скажу за всю Одессу*) значения, которые, несомненно, связаны диахронически (и эти связи, разумеется, можно раскрыть, описать, объяснить семантические переходы). Но образуют ли они в синхронии какую-либо структуру? Носитель русского языка выражения *за дом* (зайти) и *за ночь* (отдохнуть) не воспринимает как «схожие» по смыслу. Если же говорить о системно-структурном описании семантики, то следовало бы использовать ономаσιологический (функциональный) подход и, например, рассмотреть семантические связи (интегральные и дифференциальные семантические признаки) предлогов, соотнесенных с какими-либо функциями, семантическими ролями – адресатами, бенефициантами, агенсами и пр.).

8. Обращает на себя внимание следующее утверждение: «В когнитивных исследованиях предполагается, что построение семантической структуры грамматикализованных единиц восстанавливает историю развития их значений, при этом восстанавливать связи между значениями и определять семантическую структуру языковых единиц можно, зная факты синхронного

состояния и общие закономерности грамматикализации» (ссылка на [Кибрик, Плуныян 2002], с. 19).

Всецело поддерживаем идею о том, что синхронное состояние языковых единиц, структур, уровней отражает диахронические процессы, более того, синхронические процессы (текстопорождение, деривационная история единиц связного текста) тождественны в определенном смысле (или подобны) генетическим процессам. Но, во-первых, идея эта не является заслугой когнитивной лингвистики. Во-вторых, еще раз подчеркнем, в рецензируемой работе «построение семантической структуры предлога» есть не что иное, как перечисление разных значений предлога (см. «структуру предлога *«на»* на с. 204, 205), фиксация синхронного состояния данного фрагмента языковой системы – той суммы фактов синхронии, на базе которых и с учетом «общих закономерностей грамматикализации» (фактора аналогии, являющейся психологической или когнитивной, если хотите, основой механизма метафоризации) может быть реконструирована диахроническая динамика предлога.

9. В параграфе 1.4. теоретической главы делается обзор имеющихся подходов к изучению семантики предлогов (не путать с подходами к изучению семантической структуры предлогов, изложенными в разделе 1.3.).

Заявляя решимость применять «функциональный подход» к описанию значения предлога, автор замечает, что он «акцентирует внимание на том, что допустимость употребления того или иного предлога зависит не только от пространственных характеристик участников ситуации, но и от функциональной нагрузки одного относительно другого. Ср. допустимость предложения *лампа в патроне* при сомнительности *бутылка в крышке*, несмотря на одинаковую форму участвующих в обеих ситуациях предметов» (с. 21). Но в том-то и дело, что форма «участвующих в ситуациях предметов» здесь не одинакова. Семантическая корректность первого словосочетания (не предложения) и неприемлемость выражения **бутылка в крышке* объясняются тем, что существительные соотнесены с разными ситуациями и разными партиципантами (семантическими ролями). Семантическая ущербность словосочетания **бутылка в крышке* объясняется деривационной связью с семантически некорректным предложением. Ср: *лампа в патроне* ← *Ввернул (вставил) лампу в патрон*; сочетание *бутылка в крышке* невозможно, поскольку невозможно какое-нибудь **Вставил (вложил) бутылку в крышку*, *вм. Закрыл (≈снабдил) бутылку крышкой* (→ *бутылка с крышкой*, где предлог выражает не пространственные, а квазипосессивные отношения). По здравому смыслу (если уж речь о когнитивном подходе), «бутылка обладает крышкой», но не наоборот (семантически нормально *крышка бутылки*, но неприемлемо **бутылка крышки*; *бутылка с крышкой*, но не **крышка с бутылкой* (с квазипосессивным, но не комитативным значением предложно-падежной группы). Форма *бутылка в крышке* (в *крышку*) использована при соотнесенности с ситуацией, где

пространственные отношения между партиципантами нерелевантны, поскольку не соответствуют здравому смыслу.

Анализ материала, представленный в практической части исследования под названием «Семантические структуры предлогов в современном литературном македонском языке», вызывает сомнения в квалификационной подготовке диссертанта и адекватности выбранной методики.

1. Из текста диссертации не ясна логика подачи материала. Чем обусловлена последовательность описания предлогов? Почему при описании предлогов автор не ориентируется, например, на схему И.А. Мельчука, приведенную в гл. 1?

2. Почему модель описания единиц не соответствует полученной семантической модели? (Ср., например, описание предлога *на*: порядок описания значений в тексте и порядок развития значений из первичного в переносные в модели, приведенной в заключении, не совпадают.) Почему семантическая модель размещена в выводах к исследованию и как ее интерпретировать, если по описанию материала не понятно, каким путем автор приходит к своим выводам?

3. Цитируя из различных источников те или иные выводы, весьма лаконично и фрагментарно, Т.С. Ганенкова переносит их и на свой материал. Ср.: «В работе [Heine et al. 1991] описывается следующая схема, часто встречающаяся в процессе грамматикализации: локатив → элатив → бенефактив → датив → посессив». С большой долей уверенности можно утверждать, что развитие значения посессивности у предлога *на* шло по этой схеме» (с. 72). Но на чем построена эта уверенность, совершенно не ясно. Отсутствуют примеры, иллюстрирующие адекватность схемы, а также аргументы в пользу этого вывода (при том, что значения элатива – исходного падежа – и бенефактива или адресата противоположны).

В заключении, однако, автор возвращается к этой теме. «Самым ярким подтверждением [того, что «стандартный сценарий семантического развития предлогов в македонском языке след.: от наименее грамматикализованных – к наиболее»] служит предлог *на*, у которого от пространственных значений (наименее грамматикализованных) развились значения бенефактива, датива и посессива, для выражения которой используется специальная синтаксическая конструкция» (так называемая «*на*-конструкция» (с. 201). Но не показано, как именно развились эти значения. Кроме того, при обращении к материалу балканских языков неплохо было бы учитывать процессы, происходящие в этих языках. Рассматривая *на*-конструкцию, следует говорить о синкретизме датива и генитива: *на*-конструкция совмещает в себе функции обеих падежей, вытесняя при этом конструкции с *од* в посессивном значении (см. например, [Асенова П. Балканско езикознание. София, 2002. с. 83-84]).

3. Вызывают сомнения некоторые трактовки Т.С. Ганенковой. Утверждается, например, что «предлог *на* регулярно обозначает участие в событийных фреймах, то есть ситуациях с известным набором действий и

участников. Локализация в таком фрейме является локализацией не только в событийном, но и в пространственном, а также временном пространстве [NB: локализация в пространственном пространстве] (к сочетанию *на конференции* можно задать вопросы *На чем? Где? Когда?*). Но в приведенных примерах имеются предложные сочетания с событийными (не фактуальными) номинализациями типа *на встрече, свадьбе, открытии, уборке, севе* и т.п. в роли таксисных сирконстантов (*на* = 'во время'). Вопрос «на чем?» здесь явно неуместен, что касается приемлемости наречия *где* в этом контексте, то это вполне укладывается в общую систему таксиса (не только русского языка, по-видимому), где детерминанты локативного типа (*В городе..., На конференции...* и т.п.) выполняют именно таксисную функцию (соотнесенность во времени с событием, представленным сказуемым).

Дискуссионна трактовка графически слившегося сочетания предлога *со* и местоимения *се* (= 'весь') в качестве предлога; ср.: *Исчезнатиот овчар се врати сосе стадото* («Исчезнувший пастух вернулся со всем стадом»). В *Мулетна тавчето сосе палачинката* («У него выпала сковородка вместе с блином») *сосо* якобы иллюстрирует значение интенсивности действия предлога (*сосо* ≈ 'со-всем-содержимым') (с. 192). Полагаем, однако, что в действительности здесь характеристика не действия, а «локализуемого объекта».

4. Автор не всегда различает первичное и развившиеся из него значения. «У предлога *наместо*, – пишет автор, – нет непространственных значений. Предлог *наместо* сигнализирует, что локализуемый объект становится на место локализатора и выполняет его роль (с. 195). На это заметим, что у русского аналога предлога *наместо* (*вместо*), напротив, уже нет пространственных значений, а лишь вторичное (так сказать, «заместительно-функциональное»): «место А занимает Б → функцию А исполняет Б» (кстати, в примере *Наместо да седиш таму и да молчиш, ти уште и провоцираш и целые ситуации*, скорее всего, имеем не предлог, а двухсловный подчинительный союз, состоящий из этимологического предлога и гипотактического показателя *да*; ср. русское *вместо того, чтобы*).

То же самое можно утверждать и относительно предлогов *поради* и *заради*, выражающих как раз непространственное значение (которого якобы нет), а именно: бенефактивное или причинное (с. 195, 196).

5. Терминологические новшества при описании значений во многих случаях более чем сомнительны (*каузация реактивного типа; опосредованный объект; нательная одежда; стимул грустных эмоций; предел раздетости; противоречащая совместность; движение к локализатору с агрессивной целью* и др.). Эти формулировки отражают либо частные особенности контекстов, либо нуждаются в более тщательной стилистической проработке.

6. В диссертации ошибочно трактуются языковые явления.

Так, предложениями названы сложные союзы *за да* (с. 93) и *без да* (с. 183) (См. [Цивьян 1979: 210]).

При описании значения предлога *по* (с. 142) Т.С. Ганенкова выделяет значение сравнения, которое приписывает вышеуказанному предлогу. Однако, как показывает материал, речь идет не о предлоге, а об отделяемом префиксе, омонимичном предлогу, имеющем значение градации. Явление достаточно частотное в балканославянских языках (см., например, [Цыхун 1981: 189-211]). Эта особенность характерна и для современного языка, говорить о том, что примеры имеют устаревшую окраску, не следует, см. примеры из текстов современных писателей: «*Дојди по до мене*» – *ми рече кротко, а мирисот од неговото тело ме опијани*» [Мисиркова-Руменова, 43-44]; *Знаев дека Никос не мислеше така, ами сосем поинаку. Не се работеше за неможност за цитирање, туку за нешто сосем друго, кое неоспорно е неможност, но сосем, сосем, најсосем поинаква и подруга, и пострашна и повистинита и... по сè...* [Корвезирска, 85].

Т.С. Ганенкова находит таксис там, где его нет. Так, разбирая примеры с предлогом *без* (*Игор се научи да трча без паѓање* – дословно *Игорь научился бегать без падения*), она заключает: «В подобном значении конструкции с предлогом *без* входят в категорию таксиса» (с. 183). В русском языке в этом случае нередко употребляются деепричастные обороты с отрицанием (*не падая*), и именно в таких контекстах деепричастия несов. в. в русском языке выполняют не таксисную, а обстоятельственную функцию.

Автор постулирует зависимость употребления/ неупотребления предлога *во* от лексической семантики существительного, которое он сопровождает: «Предлог *во* обязателен для таких единиц, как миг, секунда, минута, час, день недели, век и тысячелетие... С названиями времен года, месяцами и годами ситуация несколько иная. При наличии определений типа *овој* «этот», *тој* «этот», *оној* «тот», *наредниот* «следующий» или *минатиот* «прошлый» предлог *во* практически не употребляется» (с. 80). Однако в случае опущения предлога следует говорить об адвербиализации именных групп. Как правило, они выступают в членной форме или с артибутом в виде местоимения. Подобный способ образования вторичных наречий (из именных и именных групп с артибутом в составе) в македонском языке, по мнению С. Велевой, является довольно продуктивным. Особенно характерно это явление для разговорного стиля и отдельных жанров публицистического стиля (см. [Велева С. Тенденции во зборообразувањето во македонскиот јазик. Скопје, 2006, с. 275-276]): ср. *Вистината за мене, тој час, беше јасна. Дента требаше да се формализира пресудата и истата вечер да се изврши.* 'В тот час истина для меня стала ясна. Днём нужно было вынести приговор и в тот же вечер привести его в исполнение' [Чашуле, 47]; *Второ, во овој вторник го гледавме Давид Хасани. КФОР го уапсил на Косово.* 'Во-вторых, в этот вторник мы следили за Джавидом Хасани. КФОР (KFOR – англ. Kosovo Force – международные силы под руководством НАТО, ответственные за обеспечение стабильности в Косово. – Н.Б.) опять его

арестовали в Косово' [Мацановски, 120]. Автору бóльшее внимание следовало бы уделить употреблению вариантов предлога *во/в* в зависимости от определенности/ неопределенности именной группы (см. исследования Б. Конеского, Л. Миновой-Гюрковой).

К замечаниям частного характера можно отнести нижеследующее:

1. На с. 22 находим утверждение, что «психолингвистическое направление является ответвлением когнитивного подхода». Получается, что «ответвление» возникло раньше «ствола», например: в ЛЭСе (1990) есть статья «Психолингвистика», но нет «Когнитивной лингвистики».

2. В русской грамматической традиции нет представлений о том, что слова *плюс* или *минус* в выражениях типа $8+5=13$ являются существительными (с. 37). В таких выражениях (равных бессоюзным условным биномам) это несклоняемые предикатные слова, знаки отношений.

3. Текст диссертации содержит много речевых ошибок (встречаются даже орфографические – *обогащает* – на с. 7, см. также автореферат на с. 3).

Нахождение [движение] на опору; Предлог «во» используется для описания нахождения [движения] во внутреннюю часть (с. 42) и под.

Отдельно следует выделить... (с. 43)

В последнее десятилетие количество работ по семантике очень сильно выросло, что связано с интересом к устройству семантической структуры многозначных слов (с. 17);

Значения варианта «спротив» ничем не отличается от варианта «спроти», поэтому мы считаем «спротив» вариантом предлога «спроти» (с. 173).

4. Библиографическое описание составлено не по ГОСТу, отсутствует количество страниц в источниках, указание на страницы в статьях из сборников статей и коллективных монографий.

5. Нарекание вызывает оформление электронных ресурсов. Имеются требования к оформлению источников подобного рода, согласно которым, должны указываться названия и виды ресурсов, адресные строки и даты обращения. Непонятно, что за материал Интернет-ресурсов использовался для верификации предположений. Ссылки на поисковую систему www.google.com недостаточно.

В целом следует сказать, что автор не справился с поставленной целью – описать систему значений македонских предлогов. Предложенное описание, хотя и было неплохо по замыслу, на деле вышло гораздо скуднее того, что представлено в толковых словарях, ставших толчком для анализа. Так, например, автор говорит о том, что у предлога *омаде* отсутствует непространственное значение, тогда как в словаре З. Мургоского выделяется значение причины *поради тоа* (из-за этого) и т.п. Соотношения между прямым и переносными значениями имеются в словарных статьях указанных словарей, во многих случаях показаны и синонимичные значения, что ускользает из поля зрения автора.

Несмотря на то что автореферат и список публикаций (в том числе 3 в рецензируемых периодических изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ) отражают содержание диссертации, в целом работу нельзя назвать законченным самостоятельным исследованием, так как в ней не решается актуальная проблема на новом оригинальном материале, имеющем теоретическую и практическую значимость.

Диссертационное исследование Т.С. Ганенковой на тему «Семантическая структура предлогов в современном македонском языке», представленное на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.03 – славянские языки, не соответствует требованиям пп. 9–10 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842.

Отзыв составлен доктором филологических наук, профессором, профессором кафедры теоретического и прикладного языкознания Валерием Александровичем Мишлановым и кандидатом филологических наук, доцентом, доцентом кафедры теоретического и прикладного языкознания Наталией Владимировной Боронниковой.

Отзыв на диссертацию Т.С. Ганенковой обсужден и утвержден на заседании кафедры теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета, протокол № 1 от 01 сентября 2015 г.

ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», ул. Букирева, 15, г. Пермь, 614990

Электронная почта: info@psu.ru

Телефон: 239-64-35

Факс: 237-16-11

Заведующий кафедрой теоретического и прикладного языкознания ПГНИУ,
доктор филологических наук,
профессор

Елена Валентиновна. Ерофеева

